

— Этот паршивец опять притащился! А ну лови его!

Визгливый мужской голос вспорол тишину переулка. Из-за спины зазывалы лавки высыпала ватага злобных мальчишек. На ходу выкрикивая ругательства, они бросились на испуганного оборвыша. Заметив погоню, тот судорожно сунул недоеденный баоцзы за пазуху и припустил во весь дух.

Искусство побега он освоил в совершенстве: стоило ему припустить, и никто не мог его нагнать. Узкие, петляющие переулки, казавшиеся чужакам лабиринтом, для него давно стали родной стихией. Он выучил каждый закуток городка наизусть — просто ради того, чтобы выжить, когда в очередной раз придётся уносить ноги.

Вильнув пару раз между домами, малец оглянулся: преследователи наконец отстали. Облегчённо выдохнув, он вытащил из-под грязного, изодранного тряпья заветную добычу. Он крепко сжал половинку баоцзы тонкими исхудалыми пальцами, и жадно впился в неё зубами.

Он явно голодал. Его мертвенно-бледное лицо пугало синевой, а ввалившиеся щёки обнажали кости. Лишь огромные, живые глаза лихорадочно блестели, не давая спутать его с покойником. Но из-под воротника его лохмотьев выглядывала деталь, совершенно не вязавшаяся с обликом нищего: на шее болталась подвеска — дорогой нефрит с узором переплетённых ветвей сливы.

Проглотив остатки еды в мгновение ока, он вытер испачканные ладони о подол и собрался было уходить, но дорогу преградили тени. Те самые подростки, что гнались за ним, стояли впереди, сжимая в руках тяжёлые деревянные палки. Заводила злобно сплюнул:

— Ах ты, тварь паршивая! Из-за твоего вечного побирушничества у нашей лавки никаких клиентов не осталось! Всю торговлю нам портишь!

— Если я сегодня не забью тебя до смерти, буду зваться твоим именем! — выкрикнул другой сзади.

Он был искренне испуган.

— А я Нань... — едва слышно пролепетал он и резко метнулся в сторону.

Но путь назад тоже оказался отрезан. Главарь заговорщиков торжествующе оскалился:

— Прежде тебе удавалось ускользнуть, но думаешь, мы опять попадёмся на эту удочку?

Оказавшись в ловушке, малец отчаянно прыгнул на кирпичную кладку, пытаясь вскарабкаться

по стене.

— Держи щенка! Не дай ему уйти! — заорали сзади.

Орава навалилась разом. Кто-то мёртвой хваткой вцепился в его босую щиколотку. Мальчик попытался лягнуть преследователя, но хватка тех, кто держал его у стены, ослабла. Сорвавшись, он полетел вниз, обдирая локти о шершавый камень. Не успел он даже вскрикнуть от боли, как его обступили со всех сторон, прижав к глухой стене. Мальчик в ужасе сжался, инстинктивно закрывая голову руками.

— Бей его насмерть! — донёсся сквозь гул в ушах чей-то глухой приказ.

Мир вокруг поглотила тьма.

Сознание возвращалось медленно, сквозь плотную пелену боли. В полузабытьи он расслышал чужие приглушённые голоса:

— Гляди, не убей его. Загнем ведь под суд за душегубство.

— Да брось ты! Это же просто паршивый побирuşка без роду и племени. Кому есть дело до его жалкой жизни?

— Жизнь есть жизнь. Если люди прознают, что у дверей нашей лавки забили насмерть ребёнка, к нам больше никто не придёт!

— Ладно, ладно... Эй, вы двое! Тащите этого щенка с глаз долой и бросьте где-нибудь на окраине.

Его грубо поволокли по земле, а затем бесцеремонно швырнули в грязь. Прошло немало времени, прежде чем он нашёл в себе силы открыть опухшие глаза. Стояла глухая ночь. Он лежал на дне какого-то тёмного заброшенного переулка, а высоко над головой в безмолвной вышине мерцали холодные далёкие звёзды.

Ему снился сон — смутный, зыбкий образ из далёкого прошлого. Во сне он видел отца и мать. Мама нежно улыбалась, а отец крепко сжимал его крохотную ладошку, обещая забрать домой. Где был этот дом, мальчик не знал. Они шли бесконечно долго, пока не вышли к уединенной деревне. Но улицы её были пусты. Мальчик испуганно вскрикнул — и в то же мгновение ладонь отца растаяла в воздухе. Мать всё так же улыбалась, но взгляд её стал безумным и блуждающим. Внезапно изо всех углов мёртвой деревни высыпали чужие дети. Они тыкали в него пальцами, обзывая безродным ублюдком и приёмышем, выкрикивая злые, ранящие слова. Он хотел броситься к матери, но та, не переставая дико смеяться, шагнула с обрыва прямо в

бурлящую реку.

Кошмар оборвался на полуслове. Мальчик резко распахнул глаза. По грязным щекам покатались крупные слёзы. Он попытался утереть их засаленным, пыльным рукавом и понял, что ночь давно прошла — над городом разгорался новый день.

Попытка пошевелиться отозвалась вспышкой невыносимой боли. Конечности не слушались, он лишь бессильно и судорожно дёргался в дорожной пыли, точно выброшенная на берег умирающая рыба. «Похоже, ноги они мне всё-таки перебили...» — с тоскливым равнодушием подумал он.

Привалившись к холодной стене, он, преодолевая слабость, нащупал на груди кусочек нефрита. Это была единственная ценная вещь, что у него оставалась. Сколько бы дней он ни голодал, у него ни разу не поднялась рука отнести семейную реликвию в ломбард. Закрыв глаза, мальчик беззвучно вздохнул. Этот тупик был самым безлюдным местом в округе; если он испустит здесь дух, хватятся его нескоро, разве что по запаху тлена через несколько дней. Навалилась непреодолимая усталость. Больше не хотелось бороться, хотелось просто закрыть глаза и уснуть.

Он краем уха слышал от бродяг, что после смерти людские души приходят к мосту Найхэ, чтобы испытать забвения и переродиться вновь. Быть может, в следующей жизни он родится в нормальной семье? Будет кому позаботиться о нём, приласкать... Ему не нужно было многого: хотя бы наесться досыта дважды в день. И чтобы хоть изредка на столе было мясо. Большого он и просить не смел.

Глаза закрывались, сознание уплывало в спасительное забытие. Сквозь плотный гул умирающего разума донеслись чьи-то шаги и негромкий, удивлённый голос, но сил вслушиваться уже не осталось. Тьма окончательно поглотила его.

Свет.

Резкий, яркий луч ударил по глазам, заставив мальчика вздрогнуть и судорожно вздохнуть.

Ослеплённый, он с трудом открыл глаза. Первым, что он увидел, был силуэт мужчины в лазурных одеждах, стоявшего к нему спиной и тихо перебиравшего какие-то травы. Мальчик осторожно пошевелился и с удивлением обнаружил, что лежит на мягкой циновке, а его изодранные грязные лохмотья сменились чистым простым платьем. Дрожащая рука тут же метнулась к шее — заветный нефрит был на месте.

Шорох привлёк внимание незнакомца. Он обернулся, и на его лице расцвела тёплая, мягкая улыбка:

— Очнулся наконец?

Мальчик заворожённо смотрел на него, боясь, что этот сон вот-вот растает. Незнакомец так походил на отца из его грёз — те же благородные черты, та же безграничная доброта в глубине глаз, от которой веяло домашним уютом. Горло перехватило, а на глаза навернулись слёзы.

Мужчина мягко подошёл ближе и присел рядом на край циновки.

— Как звать тебя, малец? — негромко спросил он.

— Нань Ван, — едва слышно прошептал ребёнок.

Услышав имя, мужчина на мгновение замер, он испытал сложное, едва уловимое чувство, но он тут же мягко улыбнулся:

— А меня зовут Лань Мулинь.

— Это вы... спасли меня?

Лань Мулинь ласково кивнул:

— Тебе нужно как следует отлежаться, и кости срастутся. Скажи, где твоя семья? Где твой дом?

Нань Ван отвёл взгляд, вновь став отрешённым:

— Нет у меня никого. В деревне говорили, что я ублюдок безродный.

Лань Мулинь, бережно поправлявший одеяло, на миг замер. Взглянув на измученного сироту, он тепло произнёс:

— Учитель на день — отец на всю жизнь. Раз так, отныне зови меня наставником.

Нань Ван смотрел на него с недоверием и опаской. Зачем этому благородному господину спасать бездомного побирушку? Зачем брать в ученики? Годы скитаний приучили мальчика к тому, что людская щедрость всегда имеет цену: в лучшем случае это была брезгливая жалость, в худшем — лицемерная благотворительность ради очистки совести.

Он огляделся. Судя по грубым стенам и соломенной крыше, они находились в убогой крестьянской лачуге, какие обычно строят на полях для полуденного отдыха. «Похоже, мой спаситель и сам небогат», — отстранённо подумал Нань Ван.

Усталость вновь взяла своё, и он забылся тяжёлым, но уже спокойным сном.

Лань Мулинь долго всматривался в черты спящего ребёнка, и он чувствовал глубокую, затаённую грусть.

Кости на ногах мальчика были раздроблены, и потребовалось почти четыре месяца бережного ухода, прежде чем он смог сделать первые самостоятельные шаги. Всё это время они провели в полевой избушке. Нань Ван долго ломал голову: почему хозяин этих земель ни разу не пришёл прогнать незваных гостей, бесцеремонно занявших его хижину?

Жатва на полях давно закончилась, на жнивье осталась лишь сухая солома. Мальчик не знал, откуда Лань Мулинь всякий раз приносил свежий горячий рис и ароматное тушёное мясо, о котором сирота раньше не смел и мечтать. Но когда сытные обеды стали повторяться изо дня в день, последние остатки детского недоверия растаяли.

Этот человек заботился о нём от чистого сердца.

Едва окрепнув настолько, чтобы самостоятельно садиться на циновке, Нань Ван решился спросить:

— Наставник... Откуда вы родом? И почему всё-таки решили мне помочь?

Лань Мулинь лишь мягко улыбнулся:

— Я держал путь через эти края и случайно наткнулся на тебя в переулке. Не мог же я оставить ребёнка умирать.

Нань Ван молча посмотрел в дверной проём на бескрайнее жёлтое поле. Жатва действительно подошла к концу.

Они ночевали под одной крышей. Лань Мулинь не претендовал на единственную лежанку — он стелил себе прямо на земляном полу и засыпал без единой жалобы. Нань Ван чувствовал неловкость: осень уже вовсю вступала в свои права, ночные сквозняки становились ледяными, пробирая до самых костей.

Мальчику очень хотелось предложить наставнику лечь вместе с ним, но робость мешала открыть рот.

Лань Мулинь не носил при себе ни меча, ни сабли. Нань Ван решил, что его спаситель — обычный странствующий купец или учёный, держащий путь на императорские экзамены. Но в тот день, когда мальчик впервые смог твёрдо встать на ноги, Лань Мулинь неожиданно произнёс:

— Я врачеватель, владеть оружием не умею, так что ни технике меча, ни сабле научить тебя не смогу. Скажи, согласен ли ты перенять моё ремесло и посвятить себя медицине?

Нань Ван опешил. За прошедшие месяцы наставник разговаривал с ним крайне редко, и мальчик, решив, что тот просто нелюдим, не докучал ему расспросами. Такое предложение застало его врасплох.

Помолчав немного, Нань Ван решительно кивнул.

— Твои раны затянулись, — продолжил Лань Мулинь. — Уйдёшь со мной?

— Уйду! Конечно, уйду! — горячо отозвался мальчик.

Улыбнувшись, Лань Мулинь бережно подхватил его на руки и помог спуститься на пол. За месяцы сытой жизни Нань Ван заметно округлился: щёки налились здоровым румянцем, кожа посветлела и очистилась от грязи. Теперь он наконец-то выглядел как обычный здоровый ребёнок.

Коснувшись ногами земли, мальчик тихо, но искренне произнёс:

— Спасибо вам.

Лань Мулинь ласково потрепал его по мягким волосам:

— Больше никто и никогда не посмеет тебя обидеть.

Они навели порядок в избушке и вышли на просёлочную дорогу. Едва они миновали полевые межи, как навстречу им стали попадаться местные крестьяне. Завидев их, люди почтительно кланялись и тепло благодарили:

— Спасибо вам, молодой господин Лань! Да хранят вас боги!

Тут до Нань Вана наконец дошло: его наставник всё это время лечил местных жителей, а те в благодарность снабжали их едой и припасами.

Сердце мальчика затопило невыразимое тепло. Он не знал, почему этот человек проявил такое милосердие к бездомному сироте. Но Нань Ван твёрдо знал одно: этот мужчина, вырвавший его из лап смерти и подаривший ему тепло родительской заботы, отныне стал для него самым дорогим существом на свете. Его наставником на всю оставшуюся жизнь.

<http://bllate.org/book/18255/1758510>